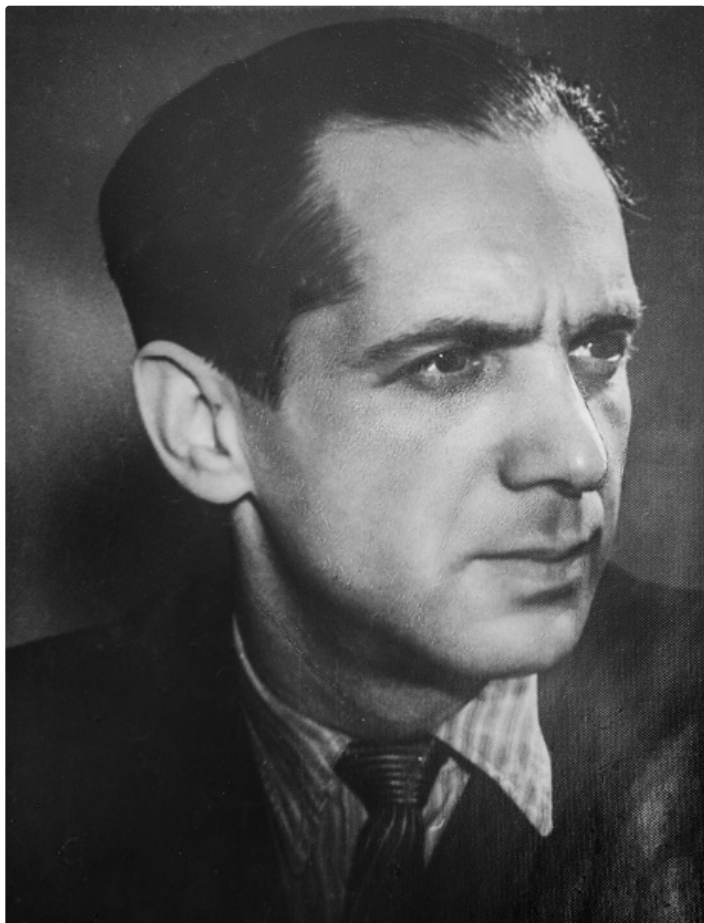

Цена Победы

Не было бы «Эха Брянского леса»...

Семён Григорьевич Шерман

Этот спектакль о партизанах долгие годы был визитной карточкой Брянского театра драмы. Автор пьесы «Эхо Брянского леса» - известный журналист и ветеран Великой Отечественной войны Семён Григорьевич Шерман в афише значился как С.Шаров. Псевдоним этот у него еще со времен войны. Он выжил чудом, минуя ад Холокоста, в котором погибла его семья. Мать и старшая сестра Геня с двумя малышами была убита в Минском гетто. Еще одну сестру Дусю, сельскую учительницу с двумя детьми тоже убили в Беларуси. А братья воевали с фашистами.

В августе 41-го, когда Семён с другом выходил из окружения, заночевали в сарае на краю деревни. Ему приснилась умирающая мать, вся в крови. «Сын мой, что тебе пожелать?» Он ответил: «Жить!» Она за ним, как эхо – заклинание повторила: «Жить! Жить! Жить!» и умерла. Он вспоминал, что проснулся в поту...

И это материнское напутствие как будто хранило его не раз на фронте и в партизанах. Когда контуженый напоролся на вражеских пулеметчиков, спасла быстроногая лошадка... Когда утонул, течением вынесло на мель. Нашли свои, откачали...

Когда в октябре 41-го на подступах к Брянску двадцатилетнего комвзвода-минометчика 50-й армии Семёна Шермана ранило осколком мины в грудь, он оказался в брошенной машине полевого госпиталя, вывалился из кузова и потерял сознание. Очнулся, еле дошел до деревни Авдеевки, где они уже раньше были с госпиталем. Там его и приютила семья Сергеевых. Там же оказалась и наша героиня - Прасковья Кузьминична Машина, ставшая для него ангелом-спасителем. О ней нам написала ее внучка-журналистка.

Девушка Прасковья

Прасковья Кузьминична Машина вместе со своими двумя братьями очень рано осталась сиротой. До 9-го класса жила в школе-интернате, потом училась и работала.

Прасковья Кузьминична Машина

Она родилась 19 августа 1916-го года на хуторе Михайловском в Навлинском районе Брянщины. Закончив в Бежице фельдшерско-акушерскую школу, работала везде, где только требовались способные медсестры. Много знала и умела, порой разбиралась в болезнях лучше врача. Была медсестрой в отделении ухо-горло-нос, потом хирургической медсестрой. Подрабатывая в заводском профилактории, познакомилась со своим будущим мужем Виктором Ковалёвым.

Когда началась Великая Отечественная война, Прасковье было 25 лет. Муж ушел на фронт.

Она осталась с двумя маленькими детьми-погодками и престарелой свекровью. Когда немец подходил к Брянску, была объявлена эвакуация.

Прасковья собрала своих малышей и свекровь, отправилась вместе со всеми в путь – туда, куда ещё не добрались фашисты. Сыну Юре было три годика, как настоящий мужчина, он стойко шел рядом с матерью, а двухлетняя Эмма не сходила с рук. С ними шла их бабушка, ей шел уже восьмой десяток лет и она была в конец истощена дорогой .

В потоке брянских беженцев рядом оказалась семья Рогожиных: мать, ее 18-летняя дочь – красавица Зина и ее брат Владимир.

Подойдя к Авдеевке, это Калужская область, все уже выбились из сил и попросили приют. Беженцев в то время принимали все, в ком была хоть капля жалости, помогали, чем могли. Так и осталась семья Ковалёвых здесь на два года: немцы захватили Брянщину и рвались к Москве, покорив и соседнюю Калужскую область. Бежать было уже некуда, да и у беженцев не осталось на это сил.

Раненый

... Однажды в дверь постучали, на пороге стояла Зина. Она сообщила, что в одном из домов прячут от немцев тяжелораненого красноармейца. Нельзя ли ему помочь. Прасковья как равнодушный человек не могла остаться в стороне. Не остановила ее ни мысль о собственном будущем, ни о том, что будет с детьми, если с ней что случится. Был ранен человек, наш воин, и ему нужна была помощь. Хотя понимала, что рискует жизнью, помогая бойцу Красной Армии.

Прасковья пришла, осмотрела раненого, а у него жар начался, он бредит, практически умирает. Медицинских инструментов никаких нет. Пришлось применить смекалку. «Сделайте мне лучину», - сказала Прасковья хозяевам. Это была семья Сергеевых. Сделали лучину, прокипятили в чугушке. И этой деревянной щепкой она прочистила рану. А в ней чего только не было: и гной, и куски шинели...

Раненый назвался Семёном Шаровым. Затем под покровом ночи, чтобы никто не видел, Прасковья регулярно навещала его, чтобы сделать перевязку. Тогда

всё нужно было делать скрытно – в деревне стояли немцы. Так она его и спасла. Молодой был, здоровый, силы ещё были – выжил. Что особенно отметила бабушка – терпение воина, ведь ни о какой анестезии речь в те годы не шла.

Зина потом переправила Семёна к партизанам. И после этого связь с ним прервалась. Наверное, догадывалась тогда Прасковья, что рискует дважды, выхаживая красноармейца - еврея по национальности. Гитлеровские нацисты массово уничтожали и тех, и других. А тех, кто их укрывал и спасал, расстреливали на месте.

Чудо спасения

Но помимо хороших людей нередко встречались и предатели...

Однажды в дом, где жили Ковалёвы, постучали. Зашли немцы и полицай. Зачитали приказ: *«За связь с партизанами, за лечение жида-большевика Екатерину Ковалёву расстрелять».*

Тот, кто писал донос, видимо, не вникая в детали, написал, что лечила Ковалёва, вот и подумали немцы на свекровь Прасковьи, ведь по бумагам, кроме малых детей, только она была Ковалёвой. Не учли то, что после свадьбы молодая женщина решила оставить свою фамилию – Машина, которая была дорога ей как память о рано ушедших из жизни родителях. Так и была всю жизнь по бумагам Машиной, а в миру для людей - Ковалевой. И кто мог подумать, что эта формальность когда-нибудь спасет ей жизнь...

– Бабушку хватают, – вспоминала потом Эмма Викторовна Весёлкина – та самая маленькая беженка Эмма, дочь Прасковьи и внучка Екатерины. – Она старенькая, худющая, мы, дети, за неё вцепились, кричим... А её на расстрел... Мама кинулась к немцам, вцепилась в бабушку: «Кого она могла лечить?! Посмотрите на нее – сама больная, еле на ногах держится и неграмотная к тому же, даже расписаться не может». Посмотрел немец на старушку и, видимо, согласившись, всё-таки оставил в покое. Так мы и спаслись.

По минному полю

И ещё один раз судьба подарила Прасковье спасение. Когда в Авдеевку пришла весть о том, что на Брянщине добивают последнюю фашистскую сволочь, она не могла успокоиться: как там Бежица, её дом? Цел ли он, ведь надо куда-то возвращаться.

... Она уже пересекла железнодорожную линию, совсем недалеко был дом, как её остановил окрик красноармейца: «*Стой! Ты куда направилась? Посмотри, как ты шла...*» Бабушка оглянулась назад: на мокрой земле отчетливо виделись следы её босых ног – она ступала как раз между минами...

Прасковья Кузьминична Машина

После войны Прасковья Кузьминична больше тридцати лет работала в Бежицком роддоме акушеркой. Скольким брянцам помогла она за эти годы появиться на свет! Женщины после войны были ослаблены, рожать им было очень тяжело, не было у них сил. Да и лекарств не хватало. Поэтому на вес золота ценились хорошие медицинские работники с отзывчивым добрым сердцем. Прасковья Кузьминична была как раз из таких.

Мария Казанок, внучка Прасковьи Кузьминичны Машиной

Подготовила к публикации Татьяна Ривкинд